

КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СЕМАНТИКИ СОСЛАГАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ (на примере английского глагола *would*)

А.С. Дружинин, О.Г. Поляков

Аннотация. Статья посвящена исследованию когнитивно-перцептуальных механизмов образования и речевой актуализации грамматического значения сослагательного наклонения в современном английском языке. В качестве объекта исследования выступает лексема *would*, семантическая структура которой является результатом вторичной грамматикализации в рамках категории сослагательного наклонения. Цель комплексного анализа глагольной лексемы заключается в попытке реконструировать когнитивные процессы, связанные с речемыслительной и перцептивной деятельностью человека, которая помогает ему познавать окружающий пространственно-временной континуум посредством накопления соответствующих «грамматических знаний». Компонентный лексический анализ, межязыковое интроспективное наблюдение и метод когнитивного моделирования позволили определить конфигурационные характеристики концептуальной структуры *would* в виде деривативной пространственно-образной схемы БУДУЩЕЕ внутри ПРОШЛОГО. Перспективизация как перцептуальный механизм фиксации точки внутреннего наблюдения, присущий любым процессам лингвокогнитивного конструирования реальности, обеспечивает определенный ракурс ментального обзора образуемой в сознании конфигурации пространств. В результате те или иные признаки пространственной конфигурации выходят на первый план в прагматике речи по сравнению с другими. Как показывает опыт интроспективного наблюдения, именно этот фактор влияет на разнородную интерпретацию грамматического значения *would*. В частности, наблюдатель может быть дистанцирован за пределы конфигурационной структуры (модель проекции) благодаря большей лингвопрагматической выделенности пространства прошлого (*if I were you, I would...*). В данном случае деривативные пространства будущего и прошлого концептуализируются (а точнее, воспринимаются) как независимая сущность, будто целая, отдельно существующая реальность. Мысленный наблюдатель как бы «отпускает от себя» временные плоскости и упускает их в своем актуальном настоящем. В результате более прагматически выделенными оказываются речевые смыслы нереализованности, упущенной возможности или нереальности. Несмотря на то, что эта модель чаще всего ассоциируется с грамматическим значением сослагательного наклонения, она является далеко не единственным и не самым распространенным способом гипотетических описаний субъюнктива (13% от общего семантического узуса лексемы *would*). В иных ситуациях точка ментального наблюдения может быть внутри пространства прошлого (ретроспективная модель), благодаря чему на первый план могут выходить семантические признаки хронологической реконструкции (так называемое будущее с точки зрения прошлого) и модальности (возможности, уверенности, удивления). Такая модель концептуализации про-

странственных отношений составляет 23% современного семантического узуса *would*. Самой распространенной формой (64% семантического узуса *would*) «ментального ориентирования» в конфигурационной структуре прошлого и будущего является мысленное самополагание внутри области БУДУЩЕЕ. В этом случае описываемая *would* ситуация осознается как проект, (как будто) реальное будущее, приближенное к актуальности. Однако рамки пространства прошлого «окрашивают» такой проект в смысловые оттенки осторожности, неуверенности либо связывают его с прошлым опытом субъекта (описание типичных действий в прошлом или на основе прецедентного опыта). Составленные модели семантической структуры *would* и их когнитивная интерпретация помогают раскрыть реальный познавательный опыт человека, зафиксированный им в рамках категории сослагательного наклонения, традиционно определяемой через понятие так называемой нереальности.

Ключевые слова: сослагательное наклонение; концептуальная деривация; перспективизация; языковая интроспекция; ретроспективная модель; проектная модель; проективная модель.

Введение

Актуальность исследования когнитивной природы явлений грамматической семантики объясняется необходимостью не только более ясно эксплицировать сложные смысловые связи внутри языковых структур, но и раскрыть причину их возникновения и речевого воплощения [1–3]. Такое возможно только благодаря обращению к реальному источнику семантических трансформаций – особенностям познавательной деятельности человека и процессам его лингвокреативного мышления [4]. Только тогда представляется возможным объяснить труднообъяснимое, в частности, например, как соотносится значение модальности и временной локализации английского глагола *would* с категорией сослагательного наклонения.

Исследование когнитивных факторов значения сослагательного наклонения имеет несомненную новизну, поскольку представляет собой попытку оттолкнуться от существующих структурно-семантических (отечественная школа лингвистики), функционально-коммуникативных (О. Есперсен, Ф. Палмер, Р. Хадлстон, Дж. Палэм, Дж. Лайонз), рационалистических и формально-логических (Д. Льюис, Н. Гудман, Дж. Коллинз, Дж. Коутс и др.) интерпретаций категории субъюнктива и предложить мыследеятельностную модель ее актуализации в языковом сознании и речевом поведении. В качестве теоретической опоры для данной модели служат следующие положения:

– грамматическое явление сослагательного наклонения в английском языке представляет собой продукт вторичной языковой категоризации, а его семантика – результат реконцептуализации пространственно-временных отношений. Это объясняется тем, что лингвистические средства субъюнктива «заимствованы» из других категорий (модально-

сти и времени), что указывает на их переосмысление в языковом сознании человека;

– вторичная категоризация и концептуализация (концептуальная деривация) обеспечивается способностью человека порождать новые концептуальные структуры на основе уже присутствующих в концептуальной системе [5, 6]. Это означает, что когнитивные «истoki» сослагательности следует искать в первичных значениях языковых единиц, доступных для подобного анализа.

Исходя из этого, на первый план выходят грамматикализованные глагольные единицы, чье лексическое значение подверглось прагматической конвенционализации [7] и / или метафорическому переосмыслению [8], дав начало новой, производной концептуальной структуре (Ср., например, *will* изначально как «волеизъявлять» и впоследствии как маркер будущности.) Такая структура включает в себе схематическую модель пространственно-временных взаимодействий между сущностями. Эта мыслительная абстракция может выступать в качестве эффективного когнитивного инструмента конструирования окружающей действительности, ее динамики и темпоральной протяженности.

Особый интерес в данном исследовании вызывают синтаксические сочетания с глаголом *would*, которому традиционно приписывается грамматическое значение сослагательности. Предметом исследования становятся когнитивные основания грамматического значения сослагательности, а точнее процедурные механизмы концептуальной интеграции, следующей из смешения нескольких ментальных пространств, представляющих собой внутренние образы реальности в сознании говорящего. Исходя из гипотезы о том, что языковые данные в виде лексемы *would* «обеспечивают очевидный и естественный доступ к ментальной деятельности человека» [9. С. 41], мы проведем ее когнитивно-семантический анализ с целью реконструкции познавательного и перцептуального опыта носителя английского языка, категоризованного им в «лингвоконцептуальных» рамках сослагательного наклонения. Базовые положения теории концептуальной интеграции в совокупности с методами языковой интроспекции, лексикографического и концептуального анализа слова, а также элементами когнитивного моделирования послужат основным методологическим инструментарием научной рефлексии.

Методология:

анализ номинативно-непроизводного значения *would*

Традиционно номинативно-непроизводное значение (ННЗ) выступает в качестве «фундаментальной основы», «лучшего представителя» семантической структуры любой леммы и составляет опорную точку

для анализа ее деривационных процессов. Это не только «буквальное», «первое», «главное», но и, как правило, узואально приоритетное значение лексической единицы (Р.О. Якобсон, В.В. Виноградов, Е. Курилович, С.Д. Кацнельсон, Д.Н. Шмелёв). Его метаязыковая формализация позволит определить исходные структуры знания, которыми привык пользоваться носитель языка для порождения всех речевых смыслов глагола *would*.

Материалом для анализа ННЗ послужат дефиниции *would*, представленные в словарях под первым номером. Дефиниции исследуются на предмет дифференциальных и интегральных признаков с использованием приема компонентного анализа:

- 1) *old use would* when you are saying what someone believed, hoped, or expected to happen or be the case (CCALED);
- 2) *used to refer to future time* from the point of view of the past (CALD);
- 3) *used to say what someone intended to do or expected to happen* (LDOCE);
- 4) *used for talking about what was going to happen in the past* (MEDAL);
- 5) *used to indicate what someone said or thought about what was going to happen or be done* (MWALD);
- 6) *used as the past form of will when reporting what sb has said or thought* (OALD);
- 7) *used to express desire or intent* (AHD);
- 8) *past of will (expressing the future tense) in various senses* (ODE);
- 9) *past tense of will* (RHK WCD);
- 10) *used: in reported speech, as the past tense of will* (Chambers);
- 11) *used as a past form of «will» after verbs in the past tense that report speech or thoughts* (Wordsmyth);
- 12) *a simple past tense and past participle of will* (DC);
- 13) *expresses conditionality or possibility* (LWU).

При анализе представленных дефиниций нельзя не отметить несколько трудностей: многие лексико-семантические варианты не дают четкого представления о концептуальных признаках слова (словоформы). Одни дефиниции указывают на грамматические свойства лексемы (8–12), даже уходя в термины структурного синтаксиса (10, 11), другие – на функциональные и прагматические особенности речевой актуализации слова (*used to express...*). Это объясняется тем, что словарные дефиниции скорее представляют собой попытку логической дифференциации значения на уровне речи с учетом различных прагматических и лексико-семантических факторов (сочетаемость со словами определенной семантической группы, употребление в той или иной коммуникативной ситуации), т.е. «проектируют результаты анализа объективных связей, не раскрывающего никакой языковой специфики» [10. С. 133]. Иными словами, имеющиеся лексикографические данные описывают

значение глагола не как концептуальную структуру, а как речевую данность, реальный жизненный процесс (приравнивая одно к другому).

Возникающие трудности наиболее явно, на наш взгляд, демонстрируют проблему когнитивной интерпретации грамматической семантики: восстановить и истолковать на материале грамматических абстракций реальные взаимосвязи, которые человек устанавливает между пространством языка и пространством физического мира, – довольно непростая задача. Тем самым, вместо того, чтобы оперировать нерасчлененными (а точнее, нерасчленяемыми), размытыми, «не цепляющимися ни за какие специфические ситуации», «широко виртуальными» (по И.К. Архипову) семантическими признаками, лексикографы расщепляют значение данного глагола и интерпретируют его в рамках таких разных лингвистических и лингводидактических понятий, как согласование времен, сослагательное наклонение и модальность (это, например, то же самое, что поставить перед собой цель перечислить все конкретные действия, которые может выражать широкозначный глагол *do*). Таким образом, перед нами встает задача реконструировать концептуальное содержание глагола *would* из имеющихся лексикографических данных о его, в большей степени речевых, особенностях.

В результате компонентного анализа ННЗ *would* сформулируем интегральный признак, объединяющий все «первые» дефиниции этого слова. В настоящем исследовании два из восьми словарей отмечают сему *to be going to happen in the past*, три – *future «from» the past* (CALD, OALD, ODE), к тому же почти во всех словарях находим следующие семы, указывающие на речемыслительную активность и волевую сферу человека: *think in the past* (MWALD, OALD), *believe in the past* (CCALED), *expect in the past* (CCALED, LDOCE), *intend* (LDOCE, AHD), *desire* (AHD), *speak or think* (Wordsmyth). Все эти компоненты значения имплицитно или эксплицитно выражают понятие будущности, тем не менее, эта будущность рассматривается в аспекте размышлений, расчетов, намерений, чаще всего (однако не всегда – см. AHD) сквозь призму прошедшего времени. Не стоит также оставлять без внимания первое историческое значение *would* – *desired, wished*, отмеченное WED как архаичное.

Во-первых, налицо семантическая «метаобразность» глагольной лексемы, свидетельствующая об интеграции нескольких образных схем – ментальных моделей пространства: БУДУЩЕЕ (то, что *еще будет*) интегрируется в ПРОШЛОЕ (т.е. того, что *уже было*). Представление «будущего сквозь призму прошлого» или «воспоминание о будущем» есть когнитивная попытка носителя языка «удержать» в сознании двойной образ воспринимаемой реальности. Этим самым он, по всей видимости, старается пережить будущие взаимодействия, которые «заключены» в рамки его прошлого опыта, т.е. эти будущие взаимодей-

ствия каким-то образом ему известны, знакомы, благодаря тому, что они фактически уже состоялись. Деривативную концептуальную структуру лексемы *would* предварительно можно смоделировать, как показано на рис. 1.

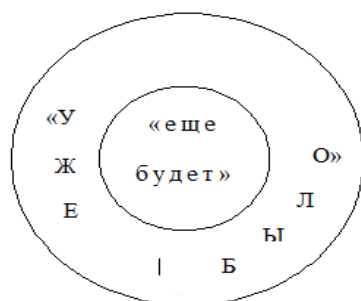

Рис. 1. Модель концептуальной структуры *would*

Во-вторых, дефиниционный анализ свидетельствует о референции глагола к эмоционально-волевой сфере человека, различным состояниям его психической активности (*expect, believe, intend, think, desire*). Данные семы неслучайны: концептуальная структура *would* как таковая определяется наличием, а точнее позицией активного деятеля, субъекта познавательных процессов, т.е. концептуализатора (или наблюдателя). Смещение двух концептуальных полей, фиксируемое в семантике ННЗ *would*, происходит благодаря особой точке зрения, перспективе внутреннего субъекта как неотъемлемой точки отсчета для восприятия (а точнее, осмысления) сложных пространственных отношений.

Основанием для «возникновения» данной фигуры концептуализатора служит когнитивный механизм перспективизации (Р. Лэнкер, Л. Тэлми, Ж. Фоконье, М. Тернер, А. Верхаген, Р. Маклори и др.), осуществляющий фокусирование внимания мысленного наблюдателя на наиболее выделенных (*salient*) признаках описываемой в данный момент речи сущности, в то время как остальные ее концептуальные составляющие в прагматике высказывания уходят (для него) на задний план. Опираясь на психологическую теорию восприятия, объясняющую факт того, что один и тот же объект может видеться человеком по-разному в зависимости от ракурса наблюдения, данный когнитивный принцип конструирования образов действительности играет немаловажную роль в речемыслительных процессах создания и интерпретации языковых значений (метакатегория наблюдателя [11]).

В случае с анализируемым ННЗ позиция наблюдателя, а точнее его эмоционально-когнитивная перспектива, внедрена в концептуальную структуру *would*, однако точное место мысленного наблюдения пока

неясно и требует дальнейшего анализа. Вариантов для локализации может быть три (рис. 2).

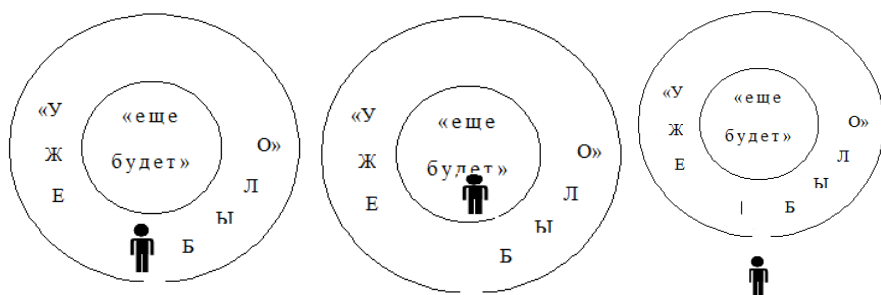

Рис. 2. Модели перспективизации в концептуальной структуре *would*

Исследование и результаты: интроспективный анализ и когнитивное моделирование семантики *would* сквозь призму русскоязычного сознания

Для того чтобы решить поставленный выше вопрос, в первую очередь необходимо интроспективно проанализировать собственный языковой опыт на уровне интуитивного осмысления концептуальных и лингвистических связей. Ввиду того, что концептуальное смешение двух временных пространств не является частью непосредственного и привычного лингвокогнитивного опыта носителей русского языка, интроспективный анализ целесообразно проводить опосредованно, через поиск адекватных «искусственных», но интуитивно понятных эквивалентов. Грамматическая специфика русского языка, а также знание его прецедентных феноменов позволяют нам найти следующие средства передачи вторичной пространственно-временной маркированности:

(1) «ЗАВТРА БЫЛА война»

В первом случае название известного произведения Б. Васильева позволяет нам проследить концептуальную структуру, создаваемую в нашем сознании с помощью, на первый взгляд, несочетаемых семантических единиц. Даже не погружаясь в сюжет повести, мы как читатели можем актуально пережить яркий образ предвосхищения, проектирования будущих событий с позиции уже неактуального сознания другого субъекта (персонажа). Такой лингвостилистический прием нарратива заставляет читателя не только погрузиться в создаваемую автором художественную реальность, но и более живо ее проживать через психологические состояния персонажей (вот как заглавие повести интерпретируется в одной из рецензий: «Читаешь название повести и сразу чувствуешь несообразность, парадоксальность, нелепость даже в сочетании этих трех слов: завтра была война. Это оттого, что ЗАВТРА и

БЫЛА несочетаемые слова. ЗАВТРА предполагает будущее время. Оно еще не наступило и вдруг – БЫЛА?! Как это возможно?! <...> Рассказы о войне в книге отсутствуют, но ощущение войны присутствует и на страницах книги, и в жизни героев. Девятиклассники – герои повести не замечают этого. Они живут своей жизнью: взрослеют, влюбляются, сбегают с уроков, спорят с учителями, ходят в кино и т.д. И вот тут вдруг понимаешь, что война еще не БЫЛА <...> Борис Васильев предупреждает нас, живущих в другом времени, даже в другом измерении: а вдруг ЗАВТРА ВОЙНА» [<http://wordru.ru/zavtra-byla-vojna/>]).

Это значит, что мы становимся участниками такой ситуации пространственно-временного ориентирования, в которой наблюдаем будущее «глазами» кого-то. При этом мы отдаем себе отчет в том, что концептуальные рамки пространства ЕЩЕ БУДУТ ограничены пространством УЖЕ БЫЛО, т.е. понимая, что наблюдаемое уже неактуально (например, мы знаем, чем все закончилось). Таким образом, в нашем сознании происходит процесс той концептуальной деривации, которая вошла в когнитивную привычку носителей английского языка, в лексиконе которых есть для этого отдельное слово *would*. Перспективизируем мы себя внутри одного из ментальных пространств, а именно прошлого (УЖЕ БЫЛО), более явно ощущая перед собой предстоящее – ЕЩЕ БУДЕТ (рис. 3).

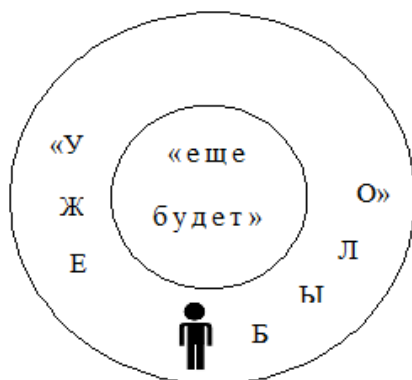

Рис. 3. Ретроспективная модель концептуальной структуры *would*

Носителям русского языка сложно представить, что такая модель перспективизации и концептуальной интеграции для представителей англоязычного социума является ординарным явлением, присущим повседневной речи, а не только художественному дискурсу. Особенно часто это проявляется в ситуациях описания прошлых событий, когда требуется указать на смысл предвосхищения, т.е. воссоздать, реконструировать потенциальное ЕЩЕ БУДЕТ через его мысленное (воображаемое) наблюдение: *I said he would come*. Данную когнитивно-перцептуальную модель семантики *would* мы назовем **ретроспективной**.

(2) «На вчерашний спектакль ПРИХОДИТЕ ВЧЕРА»

При иной пропозициональной структуре высказывания модель перспективизации меняется. Высказывания типа «Приходите вчера» или «Спектакль будет вчера» могут иметь прагматический смысл упущенной возможности, осознание которой ощущается через маркер будущности, а безнадежность, связанная с ее реализацией, – через маркер прошедшего времени. Например, цитата из стихотворения поэта-песенника И. Резника – «на вчерашний спектакль приходите вчера» – иллюстрирует призыв лирического героя сделать то, что сделать фактически нельзя, видимо, потому что это было сделано, но не совсем успешно (адресат на спектакль не пришел). Рисуемая картина недействительного, неактуального (нереального) события сквозь призму предвосхищения его будущей реализации вызывает те или иные коннотации, связанные с сожалением о совершенной ошибке. В данном случае позиция концептуализатора находится за пределами интегрированных «концептуальных полей», поскольку признак УЖЕ БЫЛО является перцептивно выделенным и наиболее значимым в процессе интерпретации смысла (рис. 4).

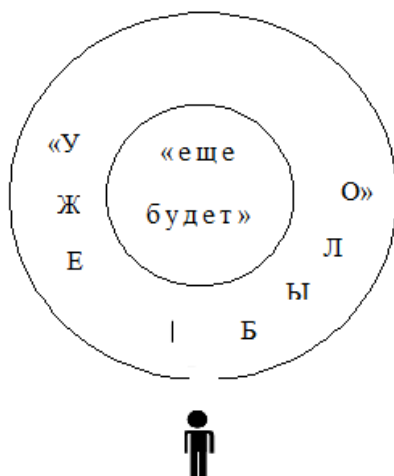

Рис. 4. Проективная модель концептуальной структуры *would*

Стоит отметить, что более привычной языковой референцией для этой модели в русском языке служит традиционная сослагательность: «вы бы пришли на вчерашний спектакль» (ср. *You would / should / ought to have come*). В английском языке, соответственно, данное грамматическое значение создается с помощью анализируемого *would*, но не всегда, а только в определенных сочетаниях. Последние так или иначе должны актуализировать смысл прошедшего (ушедшего) события (УЖЕ БЫЛО) как объекта перцептивного выделения для концептуали-

затора. В качестве таких языковых элементов могут выступать формы перфекта (*would + have come*) либо маркеры прошедшего времени (*if I had a chance, I would come*). Из этого следует, что в основе грамматического значения «традиционного» сослагательного наклонения лежит концептуальная структура смешанных временных пространств с дистанцированной позицией наблюдателя. Данную когнитивно-перцептуальную модель семантики *would* назовем **проекцией**.

(3) «Иной раз, БЫВАЛО, СЛУЧИТСЯ встреча...»

Сочетание грамматических значений будущего и прошедшего времени в данной фразе, заимствованной из произведения Н.В. Гоголя, также демонстрирует попытку «совместить несовместимое» в сознании русского человека. Однако результаты эксперимента с ментальным смешением разных пространственно-временных образных схем оказываются положительными: образованное производное значение присутствует в лингвокогнитивном опыте носителей русского языка, поскольку разные лексические вариации сочетания БЫВАЛО СЛУЧИТСЯ далеко не редкость в нашей языковой картине мира (ср., например: «Позовет, бывало, меня», «Как, бывало, скажут на войну идти...»).

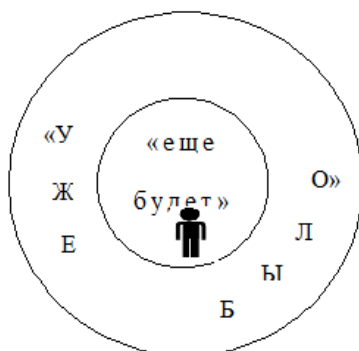

Рис. 5. Проектная модель концептуальной структуры *would*

Стоит заметить, что данное семантическое явление характеризует художественный нарратив как наиболее действенный способ экспрессивно красочной реконструкции реальности. Произнося или читая фразу «Бывало, случится встреча», мы погружаемся в воспоминания о былом, переживая внутреннее состояние эмоционально-волевого предвосхищения встреч, в которых, вероятно, имплицитно присутствует фактор неожиданности (в отличие от ретроспективных ситуаций). Иными словами, мы становимся на место персонажа таким образом, что переживаем встречу как реальное будущее, отвлекаясь от знания того, что встреча была / будет неизбежной (как в случае с «ЗАВТРА БЫЛА война»). То же само наблюдается в английском языке (ср. *We would meet at times*). Тем самым предположим, что перспективизация

происходит внутри пространства ЕЩЕ БУДЕТ, и назовем данную модель **проектной** (см. рис. 5).

Верификация результатов: когнитивно-интерпретационный анализ лексемы *would* в современном английском языке

На следующем этапе когнитивного анализа необходимо обратиться к лексико-семантической специфике *would* и проследить особенности речевой реализации его деривативной концептуальной структуры. Это позволит нам уточнить когнитивные рамки грамматического значения сослагательности в семантике *would* и верифицировать результаты интроспективного наблюдения уже на материале английского языка. Синтез словарных дефиниций всех остальных лексико-семантических вариантов (ЛСВ) помогает выделить повторяющиеся семы глагола *would* (таблица).

Повторяющиеся семы глагола *would*

Дефиниции остальных ЛСВ	Кол-во повторений (в порядке убывания)	Словари
used to say that something <i>happened often</i> or regularly in the past	10	LDOCE; CALD; MWALD; CCALD; MEDAL; AHD; WKT; Chambers; OALD; DC
used to <i>ask</i> or <i>request</i> someone <i>politely</i> to do something	10	LDOCE; CALD; MWALD; ODE; CCALD; MEDAL; Wordsmyth; Chambers; OALD
used to say that someone wants something or <i>wants</i> to do something	10	LDOCE; CALD; MWALD; ODE; CCALD; MEDAL; AHD; Chambers; OALD; DC
used when <i>giving</i> or <i>asking for advice</i> or <i>opinion</i>	10	LDOCE; CALD; ODE; CCALD; MEDAL; AHD; Wordsmyth; Chambers; OALD
used to express a strong <i>wish</i> or <i>desire</i> about an <i>unlikely</i> situation	10	LDOCE; CALD; ODE; CCALD; MEDAL; AHD; Wordsmyth; Chambers; OALD
used to say that an action is <i>typical</i> or <i>expected</i> – usually used to show <i>disapproval</i>	9	LDOCE; CALD; ODE; CCALD; MEDAL; WKT; Wordsmyth; Chambers; OALD
<i>doubt</i> or <i>uncertainty</i> ; <i>guessing</i> or <i>presuming</i>	6	MWALD; CCALD; CALD; AHD; WKT; DC
used to say that someone <i>was willing</i> or <i>refused to do</i> something	5	LDOCE; CCALD; MEDAL; Chambers; OALD
<i>imagined</i> situation or event	5	LDOCE; CALD; ODE; Wordsmyth; OALD
used when talking about something that <i>did not happen</i> , or a situation that cannot exist	4	LDOCE; CCALED; MEDAL; OALD
<i>contingency</i> or <i>possibility</i>	4	CALD; MWALD; AHD; WKT
<i>result</i> or <i>effect</i>	4	CCALD; ODE; CALD; Chambers
used to refer to a situation that is or was <i>quite likely</i>	3	CALD; CCALD; Chambers

Дефиниции остальных ЛСВ	Кол-во повторений (в порядке убывания)	Словари
<i>intent or plan</i>	3	CALD; MWALD; DC
<i>could or couldn't</i>	3	CALD; MWALD; MEDAL
<i>consent or choice</i>	2	MWALD; ODE
used to <i>offer</i> something to someone or <i>invite</i> them somewhere politely	2	OALD; LDOCE
used after 'so that' to show that someone was trying to <i>make something happen or prevent something</i>	2	LDOCE; OALD
<i>obstinate resistance</i> to advice	1	Chambers
<i>frustration</i> at some happening	1	Chambers
<i>should: reason</i>	1	CALD
used to say something that is <i>not obvious</i>	1	CCALD

Выделенные семы отражают результаты разноуровневого лингвистического анализа: это факторы – прагматические (значения запроса, просьбы, вежливости, приглашения, предложения, согласия), логические (признаки условности, следственности) и семантические (значения сомнения, уверенности, разочарования). Более того, наблюдается разрозненность и даже противоречивость в толковании некоторых ЛСВ: в одной из дефиниций грань между пространством прошлого и настоящего не проводится (*a situation that is or was likely*).

На наш взгляд, лексикографические интерпретации семантики *would* стоит рассматривать с позиции выделенности признаков концептуальной структуры, попадающих в фокус внимания концептуализатора в зависимости от той или иной стереотипной речевой ситуации. Проанализируем подробнее, как происходит процесс перспективизации в каждом случае концептуальной интеграции двух пространств будущего и прошлого в сознании носителя английского языка посредством глагольной референции *would*. Материалом для анализа послужат примеры из словарных дефиниций, ранжировка которых будет сделана согласно количеству повторений сем во всех лексикографических источниках в порядке убывания.

1. «Used to refer to future time from the point of view of the past». *He said he would see his brother tomorrow* (CALD). Потенциальность (ЕЩЕ БУДЕТ) реконструируется из памяти о том, что УЖЕ БЫЛО. Наблюдатель, эксплицированный местоимением *he*, *ретроспективен* и локализован внутри пространства УЖЕ БЫЛО. В результате значимыми оказываются признаки предвосхищения будущего и памяти о нем одновременно.

2. «Used to talk about things in the past that happened often or always». *He would always turn and wave at the end of the street* (CALD). В данном случае смешения концептуальных пространств перспективизация носит

проектный характер, поскольку на передний план выходит ощущение (как будто) реального будущего.

3. «Used to say that someone wants something or wants to do something». *He'd rather die than let me think he needed help* (CALD). Аналогичным образом *проектный* наблюдатель «видит» перед собой реальное будущее (ср. рус. «Он скорее умрет»), однако, благодаря концептуальной интеграции пространства будущего в пространство прошлого (т.е. понятно, что он «не умрет», потому что в такой ситуации «никто не умирал»), создается смысл преувеличения и негодования.

4. «Used when giving or asking for advice or opinion». *She'd describe her reaction to the film as one of disappointment* (CALD). Концептуализатор так же *проектен*, и за счет смещения ментальных пространств создается смысл осторожного допущения.

5. «Used to express a strong wish or desire about an unlikely situation». *I wish you'd be quiet for a minute* (OALD). В этом контексте перспектива наблюдения находится внутри пространства ЕЩЕ БУДЕТ (она *проектна*), поскольку говорящим ощущается реальное будущее, что в сочетании с *wish* приобретает смысл желаемого предвосхищения. Осознаваемое им пространство прошлого в концептуальной структуре *would* помогает воссоздавать опыт уже состоявшихся в прошлом похожих предвосхищений и подразумевать смысл неоднократности и повторности, а значит, более эмоционального повеления (ср. «Да замолчите же наконец...»).

6. «Used to say that an action is typical or expected – usually used to show disapproval». *You would go and spoil it, wouldn't you!* (CALD). Еще более явно *проектная* модель концептуальной структуры *would* проявляется в этой ситуации: говорящий буквально ожидает будущие действия адресата высказывания, одновременно «воссоздавая» их в своей памяти. Поэтому выделенными признаками в речевой ситуации становятся типичность и ожидаемость.

7. «Doubt or uncertainty; guessing or presuming». *He would seem to be getting better*. В данной ситуации концептуальная структура *would* реализуется с той же *проектной* позицией наблюдателя, что и в предыдущих случаях: состояние неуверенности, соответствующее референции *seem*, предвосхищается говорящим на основе воссоздания в памяти прошлых подобных состояний. Иными словами, говорящий, по всей видимости, начинает конструировать потенциальность своей неуверенности как следствие уже наблюдавшейся неуверенности (*seemed*). На уровне речевого смысла высказывания такого типа (*would seem, would appear*) интерпретируются как осторожное предположение или сомнение относительно описываемого актуального события («кажется, будто...»).

8. «Used to say that someone was willing or refused to do something». *My car wouldn't start this morning* (OALD). В данном примере иллюст-

рируется речевая ситуация, похожая на (2), где перед *проектным* концептуализатором предстают будущие события, такие же явные, как и в актуальной реальности (ср. «Машина опять не заведется (если я попробую еще раз)» = «Машина никак не заводится»). Тем не менее, благодаря концептуальному пространству прошлого, отображенного в семантике *would*, присутствует осознание того, что речь идет о прошлом (ср. «Машина опять не завелась (когда я попробовал еще раз)» = «Машина никак не заводилась»).

9. «Imagined situation or event». *I would hate to miss the show* (CALD). Нежелание (*hate*) ощущается говорящим как потенциальное состояние, которое еще можно избежать или скорректировать (т.е. он как будто бы оглядывается назад). Это достигается за счет выстраивания в его сознании концептуальной структуры бленд-пространства будущего и прошлого, где наиболее выделенным для него становится *проектная* область будущего.

10. «Used when talking about something that did not happen, or a situation that cannot exist». *I would have phoned you, but there wasn't time* (LDOCE). Признак совершенности, актуализируемый перфектной формой, обеспечивает когнитивно-перцептуальную выделенность концептуального пространства прошлого (УЖЕ БЫЛО) в сознании говорящего. Это означает, что абстрактный наблюдатель ментально позиционируется за пределами интегрированных пространств ЕЩЕ БУДЕТ и УЖЕ БЫЛО, которые *проецируются* как самостоятельная, будто отдельно существующая область взаимодействий. В результате создается речевой смысл несуществующей, нереальной или воображаемой ситуации, в которой, к тому же, упущена возможность совершения действия (*have phoned*).

11. «Contingency or possibility». *What would you do if you lost your job?* (CALD). Здесь, как и в предыдущем примере, мы имеем дело с когнитивной моделью *проекции*, лежащей в основе концептуальной структуры *would*. Форма прошедшего времени (*lost*) создает выделенность пространства прошлого, «вытесняя» фигуру наблюдателя за пределы этого пространства. Таким образом, смысл высказывания интерпретируется как гипотетическая возможность.

12. «Used to describe effect or result». *Ordinarily it would be fun to be taken to fabulous restaurants* (CCALED). Моделирование когнитивно-семантической структуры глагола *would* на этом примере будет практически идентичным анализу, проведенному в ситуации (4).

13. «Used to refer to a situation that is or was quite likely». *The guy on the phone had an Australian accent. That would be Tom, I expect* (CALD). Говорящий создает реконструированное предвосхищение потенциального состояния ([I thought] it would be Tom), выступая в роли *ретроспективного* наблюдателя. Здесь он осознает свое мысленное присутствие внутри пространства УЖЕ БЫЛО (*the guy had an accent*), при этом

«заглядывая в будущее», в котором ему предстоит пережить новое состояние (*it would be Tom*). Благодаря этому в ситуации речи прагматически выделенным становится смысловой признак вероятности.

14. «Intent or plan». *Nutritionists would have us all eat whole grains* (DC). Пример иллюстрирует проектную когнитивную модель семантики *would*: говорящий осознает описываемое состояние *would have* как реальное будущее (как в [will have]), связывая его при этом с опытом прецедентных состояний [nutritionists had us all eat]. Предположительно, такой речевой смысл намерения и плана будет соответствовать русскому эквиваленту «Опять диетологи заставят...»

15. «Could or couldn't». *The barrel would hold 20 gallons* (MWALD). Представляется, что этот предмет снабжен недостаточным контекстом для того, чтобы точно утверждать о позиции внутреннего наблюдателя как факторе интерпретации смысла *would*. Опираясь на дефиницию, можно, однако, решить, что речь идет о ретроспективности, т.е. перспективизируемым становится пространство прошлого.

16. «Consent or choice». *He would put it off if he could* (MWALD). Когнитивные особенности семантики *would* в данном случае схожи с теми, что были проиллюстрированы в примере (11), за исключением семантико-прагматического признака согласия или выбора, выделенного составителями словаря в отдельную дефиницию *would*.

17. «Used to offer something to someone or invite them somewhere politely». *Would you have dinner with me on Friday?* (OALD). Вопросительная форма высказывания, аналогичного по содержательной и коммуникативно-прагматической характеристике примеру (16), создает речевой смысл приглашения или предложения.

18. «Used after 'so that' to show that someone was trying to make something happen or prevent something». *We packed all the books in wooden boxes so that they wouldn't get damaged* (LDOCE). Точка активного наблюдения фиксируется в сознании говорящего ретроспективно, внутри концептуального пространства УЖЕ БЫЛО, в результате чего поле будущности осмысливается в рамках уже не актуальной целевой установки (*so that*).

19. «Used to suggest obstinate resistance to advice». *He would have his own way* (Chambers). Когнитивно-семантические характеристики лексемы *would* в данном случае совпадают с теми, что реализованы в речевой ситуации (6).

20. «Used to suggest frustration at some happening». *It would rain, just as we're setting out* (Chambers). То же, что в примерах (6) и (19): говорящий ощущает дождь как проект и позиционирует себя внутри пространства будущего дождя ([it will] rain), поскольку осознает «позади себя» уже прошедший такой же дождь (как прецедент), т.е. опыт уже состоявшегося дождя в прошлой похожей ситуации ([it rained]) стано-

вится средством предвосхищения будущего дождя. Ср. рус. «опять дождю надо пойти тогда, когда мы отправляемся в путь».

21. «Used in negative sentences with verbs such as ‘guess’ and ‘know’ when you want to say that something is not obvious, especially something surprising». *Chris is so full of artistic temperament you’d never think she is the daughter of a banker* (CCALD). Говорящий дает понять, что описываемое состояние невозможно в будущем также потому, что подобных прецедентов еще не было. Иными словами, концептуальная структура, реализуемая лексемой *would*, фиксирует *проектного* наблюдателя в сознании говорящего.

22. «Should: reason». *He came to see you. Why else would he come?* (CALD). В данной речевой ситуации создается смысл удивления прецедентом, что, на наш взгляд, реализуется *ретроспективной* моделью семантического содержания *would* в вопросительной форме высказывания. Говорящий ставит себя внутри пространства прошлого (*came*), а затем заглядывает в будущее как зеркальное отражение, буквально рефлексировав и оценивая целесообразность произошедшего.

Заключение

В данном исследовании предпринята попытка реконструировать когнитивно-дискурсивные механизмы образования и реализации грамматического значения сослагательного наклонения на примере английской лексемы *would*. В ходе когнитивного анализа мы пришли к выводу, что концептуальная структура лексемы *would* является результатом деривации ментальных образов прошлого (УЖЕ БЫЛО) и будущего (ЕЩЕ БУДЕТ).

Значение сослагательности в традиционной ее интерпретации, т.е. ассоциируемой с нереальностью или нереализованностью, образуется в английском языке благодаря особым перцептуальным факторам концептуализации интегрального пространства прошлого и будущего, заключающимся в процессах перспективизации отдельных его признаков. В частности, речь идет о ментальном дистанцировании абстрактного наблюдателя «за пределы» конфигурационной структуры. Благодаря этому она концептуализируется (а точнее, воспринимается) как независимая сущность, будто целая, отдельно существующая реальность. Мысленный наблюдатель как бы «отпускает от себя» временные плоскости и упускает их в своем актуальном настоящем. В результате более прагматически выделенными оказываются речевые смыслы нереализованности, упущенной возможности или нереальности. Данную когнитивно-перцептуальную модель семантики *would* мы называем проекцией. Анализ современных лексикографических данных показал, что этот способ концептуализации пространственно-временного континуума составляет лишь 13% всего семантического узуса лексемы *would*.

При иных точках наблюдения, а именно внутри пространства прошлого и будущего, на первый план выходят другие признаки, в результате чего общее значение глагола может трактоваться вне категории сослагательности, потому что значение упущенной возможности и нереальности осознается не так явно. В частности, точка ментального наблюдения может быть внутри пространства прошлого (ретроспективная модель), благодаря чему на первый план в речевой ситуации могут выходить семантические признаки хронологической реконструкции (так называемое будущее с точки зрения прошлого) и модальности (возможности, уверенности, удивления). Такая модель концептуализации пространственных отношений составляет 23% современного семантического узуса *would*.

Самой распространенной формой (64% семантического узуса *would*) «ментального ориентирования» в конфигурационной структуре прошлого и будущего является мысленное самополагание внутри области ЕЩЕ БУДЕТ. В этом случае описываемая *would* ситуация осознается как проект, (как будто) реальное будущее, приближенное к актуальности. Однако рамки пространства прошлого «окрашивают» такой проект в смысловые оттенки осторожности, неуверенности либо связывают его с прошлым опытом субъекта (описание типичных действий в прошлом или на основе прецедентного опыта).

Результаты исследования показывают, что грамматическое значение сослагательного наклонения в современном английском языке не теряет своего категориального статуса, поскольку является лингвокогнитивным продуктом особого способа пространственного и абстрагирующего мышления. Он заключается в конструировании сложной ментальной действительности посредством интеграции пространственно-временных форм реальности, а также во вторичной языковой категоризации посредством двойной грамматикализации лексем (например, *would* как исторически прошедшая форма глагола *will* переосмысливается в качестве новой системной лексико-грамматической единицы). При этом единственным дезориентирующим фактором в интерпретации языковедами сослагательности (в частности, на примере семантики *would*) остается специфика «когнитивной привычки» англоязычного социума образовывать концептуальную деривацию пространственно-временных абстракций не только по собственной другим языковым культурам модели проекции (*if I were you, I would...*), но также по ретроспективной и проектной моделям. Из этого следует, например, что носителю английского языка привычнее фокусироваться на признаках будущности: как показал анализ, именно так чаще всего в его сознании происходит «со-слагание» ментальных пространств. Носителю русского языка, напротив, может показаться это непривычным и трудно ассоциируемым со значением сослагательности, однако это не значит, что

такой способ мышления в его языковом сознании отсутствует (ср., например, просторечные директивы типа «Встал и пошел отсюда!», восходящие к значению сослагательности).

Литература

1. **Болдырев Н.Н.** Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М. : Языки славянских культур, 2018. 480 с.
2. **Котюрова М.П., Кушнина Л.В., Аликина Е.В.** Когнитивная функция выражения определенности / неопределенности высказываний в научном тексте // Язык и культура. 2018. № 42. С. 81–99.
3. **Скребицова Т.Г.** Когнитивная лингвистика. Классические теории, новые подходы. М. : Языки славянских культур, 2018. 392 с.
4. **Серебренников Б.А.** Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М. : Наука, 1988. 242 с.
5. **Fauconnier G., Turner M.** Blending as a central process in grammar // *Conceptual Structure, Discourse and Language* / ed. by A. Goldberg. Stanford, 1996. P. 113–130.
6. **Бабина Л.В.** Проблемы концептуальной деривации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 86–91.
7. **Traugott E. C., König J.-P.** The semantics-pragmatics of grammaticalization revisited // *Approaches to Grammaticalization* / ed. by E. Traugott, B. Heine. Amsterdam: John Benjamins, 1991. Vol. I. P. 189–218.
8. **Heine B.** *Cognitive Foundations of Grammar*. Oxford : Oxford University Press, 1997. 196 p.
9. **Кубрякова Е.С.** Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика-психология-когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 34–47.
10. **Архипов И.К.** Язык и языковая личность. СПб. : Книжный дом, 2008. 248 с.
11. **Верхотурова Т.Л.** Фактор наблюдателя в языке науки. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. лингвист. ун-та, 2008. 290 с.

Список сокращений

AHD – American Heritage Dictionary of the English Language. 4th ed. New York : Houghton Mifflin, 2000.

CALD – Cambridge Advanced Learner's Dictionary, 3rd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2008.

CCALD – Collins Cobuild Advanced Learner's Dictionary. Glasgow : Harper Collins, 2008.

Chambers – The Chambers Dictionary. URL: <https://chambers.co.uk/search/>

DC – Dictionary.com. URL: <https://www.dictionary.com>

LDOCE – Longman Dictionary of Contemporary English. 5th ed. Harlow, Essex : Pearson, 2009.

LWU – Lookwayup: Online Dictionary. URL: <http://lookwayup.com/>

MEDAL – Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. 2nd ed. Oxford : Bloomsbury, 2010.

MWALD – Merriam-Webster's Advanced Learner's Dictionary. Springfield : Federal Street Press, 2010.

OALD – Oxford Advanced Learner's Dictionary. 8th ed. Oxford : Oxford University Press, 2010.

ODE – Oxford English Dictionary. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/>

RHK WCD – Random House Kernerman Webster's College Dictionary, 2010.

WKT – Wiktionary. The Free Dictionary. URL: <https://en.wiktionary.org>

Wordsmyth – The Wordsmyth English Dictionaries. URL: www.wordsmyth.net

Сведения об авторах:

Дружинин Андрей Сергеевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка № 3 Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России (Москва, Россия). E-mail: andrey.druzhinin.89@mail.ru

Поляков Олег Геннадиевич – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой лингвистики и гуманитарно-педагогического образования педагогического института Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина (Тамбов, Россия). E-mail: olegpo@rambler.ru

Поступила в редакцию 2 февраля 2019 г.

COGNITIVE MODELLING OF THE SEMANTICS OF SUBJUNCTIVE MOOD (a case for the English verb *would*)

Druzhinin A.S., PhD in Philology, Senior Lecturer, English Language Department No. 3, MGIMO University (Moscow, Russia). E-mail: andrey.druzhinin.89@mail.ru

Polyakov O.G., PhD in TEFL, Professor, Head of English and Humanities Teacher Training, Pedagogical Institute, Tambov State University named after G.R. Derzhavin (Tambov, Russia). E-mail: olegpo@rambler.ru

DOI: 10.17223/19996195/45/4

Abstract. The article offers a new look at the cognito-perceptual mechanisms for meaning-making within the English language category of subjunctivity, or counterfactuality. The object of study is the English verb *would* whose lexico-grammatical semantic properties are subjected to complex cognitive analysis and cross-language introspection. The results show that its conceptual structure is derived from the blended mental spaces PAST and FUTURE. The cognitive process of perspectivisation, fundamental to any language construal of reality, ensures a specific perceptual scope for conceptualisation of these blended spaces: the positioning of the mental perspective, or the figure of the abstract observer / viewer, allows different features to be foregrounded in discourse contexts. In particular, with the distanced viewer positioned outside the integrated spaces, the whole conceptual blend of PAST and FUTURE as underlying the semantic structure of *would* is perceived as a self-sufficient entity, an independent reality non-existent in the speaker's actuality. Hence, the meaning of unreality and unfulfilled hopes or desires is generated. This cognitive model is termed as the model of projection and lies behind what is traditionally and universally associated with the grammatical meaning of subjunctivity. The analysis of the modern English lexicography suggests that this model makes up only 13% of the total semantic usage of *would*. There are, however, another two viewing points that can be activated in the conceptual structure of *would*. When the observer is placed inside the mental space PAST, the space FUTURE is viewed retrospectively, i. e. with the awareness of the future being part of the past. Thus, the pragmatic meanings of chronological reconstruction and an account of typical and anticipated past behavior are created. They are, in turn, less felt to be subjunctive. Such a model of retrospection characterises 23% of the total semantic usage of *would*. The last model of conceptualisation is realised with the mental space FUTURE perspectivised, i. e. the observer is placed inside this space. In this way, the described reality is felt like (as-if) a real future with the space PAST backgrounded in the speaker's mind. Such a model of meaning-making termed as project helps express different shades of modality and emotionally coloured reference to precedent-based behavior. It constitutes 64% of the total semantic usage of *would* in the modern English language community. It is concluded that subjunctive has not lost its ground in the English linguo-cognitive culture because it characterises a special way of spatial intelligence and language categorisation. The controversy around it is related to nothing but its discourse interpretation. If viewed cognitively, the problem seems plain: the meaning of subjunctivity continues to be actualised

in modern English through the semantics of *would*, but for some reasons the features of the space FUTURE (as in *He would talk for hours*) and space of 'inner' PAST (as in *I thought you would enjoy...*) are perspectivised more often now than those of the 'outer' PAST (as in *if I were you, I would...*).

Key words: subjunctive mood; conceptual derivation; perspectivisation; language introspection; retrospective model; project model; projection model.

References

1. Boldyrev N.N. (2018) *Jazyk i sistema znaniy. Kognitivnaya teoriya jazyka: monografiya* [Language and system of knowledge. A cognitive theory of language: a monograph]. M.: Jazyki slavyanskikh kul'tur.
2. Kotyurova M.P., Kushnina L.V., Alikina E.V. (2018) Kognitivnaya funktsiya vyrazheniya opredelennosti / neopredelennosti vyskazyvaniy v nauchnom tekste [Cognitive function of expressing definiteness / indefiniteness of utterances in academic text] // *Jazyk i kultura – Language and Culture*, 42. pp. 81-99.
3. Skrebneva T.G. (2018) Kognitivnaya lingvistika. Klassicheskiye teorii, novyye podkhody: monografiya [Cognitive linguistics. Classical theories, new approaches: a monograph]. M.: Jazyki slavyanskikh kul'tur.
4. Serebrennikov B.A. (1988) Rol' chelovecheskogo faktora v jazyke: jazyk i myshlenie [The role of human factor in language: language and thinking]. M.: Nauka.
5. Fauconnier G., Turner M. (1996) Blending as a central process in grammar // *Conceptual Structure, Discourse and Language* / ed. by A. Goldberg. Stanford. pp. 113-130.
6. Babina L.V. (2007) Problemy konceptual'noy derivatsii [Issues of conceptual derivation] // *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 4. pp. 86-91.
7. Traugott E.C., König J.-P. (1991) The semantics-pragmatics of grammaticalization revisited // *Approaches to Grammaticalization* / Ed. by E. Traugott and B. Heine. Vol. 1. Amsterdam: John Benjamins. pp. 189-218.
8. Heine B. (1997) *Cognitive Foundations of Grammar*. Oxford: Oxford University Press.
9. Kubryakova E.S. (1994) Nachal'nyye etapy stanovleniya kognitivizma: lingvistika-psikhologiya-kognitivnaya nauka [Initial stages of cognitivism formation: linguistics-psychology-cognitive science] // *Voprosy jazykoznanija*, 4. pp. 34-47.
10. Arkhipov I.K. (2008) *Jazyk i jazykovaya lichnost'* [Language and linguistic personality]. SPb: Knizhnyy dom.
11. Verkhoturova T.L. (2008). Faktor nablyudatelya v jazyke nauki: monografiya [The factor of an observer in the language of science: a monograph]. Irkutsk: Izd-vo Irk. gos. lingvist. un-ta.

Received 2 February 2019